

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ
В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сборник научных трудов

Под редакцией И. Ю. Куксы

Посвящается юбилею профессора С. С. Ваулиной

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2016

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ МОДАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ

Л. П. Дронова
(Томск)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕОБХОДИМОСТИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: АРЕАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассмотрены с точки зрения ареальных и генетических отношений некоторые лексемы функционально-семантического поля модальности необходимости/долженствования славянских языков (др.-рус. доволѣти, серб. ваља, вреди, чеш. slyši se, patřiti se). Такой аспект анализа позволил получить дополнительную информацию для объяснения особенностей функционирования контактно возникших лексем, границы и глубины контакта и, соответственно, хронологических рамок функционирования рассматриваемых лексических единиц.

Ключевые слова: лексика модальности необходимости, славянские языки, ареально-генетические связи.

Интерес к истории лексико-грамматических средств выражения модальности в отечественной лингвистике отчетливо обозначился с конца 60-х и в 70-е годы прошлого века (К. А. Тимофеев, 1959; Е. С. Отин, 1962; О. А. Черепанова, 1965; К. Н. Озолина, 1970; М. В. Япон, 1971 и др.). Известно, что 1970—1980-е годы — это время становления функционализма как направления в отечественной лингвистике. На волне этой новой научной области и было предпринято функционально-семантическое исследование средств выражения модальности в русском языке XI—XVII вв. в монографии С. С. Ваулиной (1988) и затем в докторской диссертации [2]. Отсюда началось формирование калининградской школы исследователей модальности и продолжается изучение одного из основных «эгоцентрических механизмов естественных языков» (В. А. Плулунган) уже в рамках нынешней полипарадигмальной лингвистики, о чем наглядно свидетельствует большой ряд защищенных по разным аспектам модальности диссертационных работ, например [3; 5—7; 12] и др. Именно после знакомства с работой С. С. Ваулиной возник мой интерес к

модально-оценочной лексике, к ее генезису, историко-культурной детерминации, ареальным связям, что позволяет через эту «идеологически заряженную» лексику посмотреть на истоки формирования и специфику важного фрагмента русского (*resp.* древнерусского) мировидения не только на языковом материале истории русского языка, но и на фоне фактов других славянских языков, праславянской реконструкции. Выявленные генетические и ареальные связи, реализованные как в исконной, так и заимствованной лексике, в свою очередь, есть пространственно-временные «пограничные сигналы» в исторической характеристике рассматриваемой лексической группы.

Проблему генетических и ареальных связей лексических средств выражения модальности необходимости в славянских языках мы уже рассматривали в рамках более общей проблемы — становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка (на фоне других славянских и неславянских языков) [4]. В работе, посвященной этой проблеме, были рассмотрены и основные лексические средства представления модальности необходимости/долженствования в истории русского языка (*должен, обязан, надо, нужно, необходимо, следует, надлежит, повинность (воинская)* и др.). Так, например, для лексемы *должен (долг)*, имеющей в научной литературе несколько версий своей «предыстории», анализ ареальных, генетических связей и системных отношений в каждом из «подозреваемых» языков-источников позволил предположить заимствование из кельтских языков на основе различия в прозрачности мотивационных отношений, внутренней формы в кельтских языках и славянских, готском [4, с. 191—204].

В данной статье наше внимание привлекли некоторые лексемы функционально-семантического поля модальности необходимости/долженствования славянских языков, не проанализированные с точки зрения их ареальных и генетических отношений.

Древнерусский глагол *доволѣти, довълѣти* ‘быть достаточным, хватать’ употреблялся также в значении ‘надлежать, следовать, подовать’ (*Кути собѣ полаты многоцѣнныя и рабы и рабыня, села и винограды, воли и вельблуды, кони... и все елико богатым доволѣет* (XV в. ~ XIII в.) [10, вып. 4, с. 278]. Соответствием этому глаголу является укр. *довліти* и ст.-слав. *довълѣти* ‘быть достаточным’, однокорневое ему прилагательное ст.-слав. *довольнѣ, дъвьльнѣ* синонимично с *достоинѣ* [11, с. 193]. Функционально и генетически близко древнерусскому глаголу адвербализованное существительное *неволя*, в составе сказуемого обозначающее вынужденность (= поневоле, по необходимости) — ‘приходится (придется), нужно (что-л делать)’: *Неволя нагу ходяще стыдѣтися*. XIII в.; *Аще ли не хочета, то намъ неволя зажегши городъ свои и ступити въ Грѣцискую землю*. XV в.) [10, вып. 11, с. 58]. В современных славянских языках употребляются однокорневые образования с другим префиксальным оформлением, по семантике аналогичные рус. *дозволить, позволить*. Но в сербском языке существует безаффиксный глагол *ваљати*

‘стоять, годиться’, безл. *vàʎa* ‘надо, следует, должно, подобает’ (*vàʎa radi-ti* ‘так надо делать’), *vàʎān* ‘достойный, порядочный’ [9, с. 45—46; 1, с. 636]. Этимологически рассматриваемые лексемы входят в гнездо производных праслав. *volja, *veleti, имеющее индоевропейские корни и исходное значение ‘желать, выбирать, предпочитать’ [14, т. 1, с. 288; 9, т. 1, с. 139]. Однокорневые образования широко представлены в индоевропейских языках, но семантика модальности сформировалась только в балто-славянском ареале, ср. литов. *privalėti* ‘быть должным, обязанным; нуждаться (в чем/ком)’, *privalūs* ‘необходимый, нужный’, *privalūmas* ‘необходимость’ *privalomas* ‘обязательный’ [16, с. 522].

Второй пример на исторические ареальные связи в модальной лексике — серб. *vrédan* ‘достойный, стоящий; трудолюбивый’ (*хвале vrédan* — достоин похвалы), *vrédeti* ‘стоять, быть в цене; годиться, быть в силе, действительным’, *vrédno* ‘полезно, стоит’ (*то је врédно урадити* — это стоит сделать) *vrédnošt* ‘стоимость, ценность’ при безл. *vrédi* ‘надо’, ‘треба, вàʎа’ [9, с. 57; 1, с. 399]. П. Скок, автор этимологического словаря сербохорватского языка, полагает, что *vrédan* (*vrjèdan*) образовано с суффиксом *ьп > ап* от ст.-слав. *vrědъ* ‘*cijena*’ и родственно др.-в.-нем. *werd* ‘цена’ [19, т. 4, с. 625]. Но в старославянских текстах написание этого слова варьируется: **(не)врѣдъ, неврѣдоу съ творити, неврѣдъ сътворити** ‘счесть неподходящим, отвергнуть’ и **не въ рѣдоу, не въ рѣдъ** [11, с. 125, 360]. То есть можно истолковать это слово как производное от *рѣд-/рѣд-* и семантика не противоречит возможности подобной производности. Более убедительным представляется мнение ряда лингвистов, предполагающих, что перед нами раннее (до 800 г., до древневерхненемецкого передвижения согласных, ср. нем. *Wert*) заимствование из древневерхненемецкого языка [19, т. 4, с. 625].

Известным германизмом в лексике модальности необходимости в чешском языке является одно из основных средств выражения этого вида модальности — глагол *musiti* ‘быть должным’, заимствованный из др.-в.-нем. *muozan* (нем. *müssen*), как и словц. *musiet’ / mi/ysiet’*, польск. *musieć*, в.-луж. *musić*, н.-луж. *musys’*, укр. *musity* [17, с. 313]. К числу неявных, непереходных связей чешского языка с немецким, вероятно, следует отнести появление значения модальности необходимости у глаголов с исходным перцептивным значением. Речь идет о глаголах *slušeti* ‘подходить, быть к лицу’, *slušeti se* ‘приличествовать’, безл. *slýši se, aby...* ‘следует (полагается, подобает), чтобы...’, *slušně* ‘вежливо, прилично’, *přislušeti* ‘принадлежать к чему’, *přislušný* ‘соответствующий, надлежащий’, однокорневые же образования (широко известные в славянских и других и.-е. языках) связаны с обозначением понятия «слух», «слышать»: *slýchati* ‘слышать’, *slýšeti* ‘слышать, слышать’, *slýšitelný* ‘слышный, слышимый’, *sléch* ‘слух, весть’, *slěchy* ‘уши’ [17, с. 457].

Второй глагол с подобным семантическим развитием — *patřiti* ‘принадлежать; относиться (к кому, чему), касаться (кого); подходить, годиться’, ‘смотреть, видеть’ (*to patří mně* ‘это касается меня, относится ко мне’), безл. *patřiti se* ‘следовать, надлежать’ (*to ti patří* ‘так тебе и надо! Так тебе и следовать!’). Соответствие этому чешскому глаголу есть только в словц. *patrit’* ‘относиться, принадлежать к чему-л., кому-л.’, (книжн., стар.) ‘смотреть, созерцать’, польск. *patrzyć, patrzeć* ‘смотреть, видеть’. При несходных этимологических решениях, предлагаемых для этого западнославянского глагола (Махек, Трубочев), исходное значение не оспаривается — ‘смотреть, видеть’ [17, с. 357; 13, с. 47—48] (О.Н. Трубочев доказывает, что это иранизм в западнославянских языках). Независимо от этимологии, значения ‘принадлежать; относиться, касаться’ определяются как вторичные по отношению к ‘смотреть, видеть’.

Таким образом, в первом и втором случае выявляется необычная для славянских языков схема семантического развития, результатом которого оказалось значение модальности необходимости при исходном перцептивном значении — ‘слышать, слушать’ и ‘смотреть, видеть’ (ср.: *jak se slyši a patří* ‘как следует, как полагается’). Причину этой необычности следует видеть во влиянии немецкого языка, где известно подобное развитие семантики перцептивного глагола *hören* ‘слышать, слушать’, ‘слушаться (кого-л.), прислушиваться’, его производных: *gehören* ‘принадлежать (кому-л.); относиться к чему-л., входить в состав (чего-л.); требоваться, быть нужным’ (*das gehört nicht zu Sache* — это к делу не относится; *dazu gehört Geld* — для этого нужны деньги; безл. *es gehört sich nicht* — не принято, не подобает; *wie es sich gehört* — как полагается, как подобает); *Gehör* ‘слух’, *gehorsam* ‘послушный’, *Gehörige* ‘должное, требуемое, необходимое’ и др. [8, с. 345, 443.]. Глагол (*gi*)*hören* уже с древневерхненемецкого периода (с VIII века) известен в текстах в значениях ‘слышать, внимать’, ‘слушать, прислушиваться’, ‘слушаться, повиноваться’, ‘слушаться кого-л., следовать за’ [18, с. 146].

Таким образом, уже по отдельным примерам историко-ареальной характеристики контактно возникших лексических средств выражения модальности необходимости можно получить дополнительную информацию для объяснения особенностей функционирования таких лексем, а также границы и глубины контакта и, следовательно, хронологических рамок функционирования рассматриваемых единиц языка. Пример с серб. *vrédemti* и чеш. *slýchati, slušeti, patřiti* показывает активное взаимодействие сербского и чешского языков с носителями немецкого языка и культуры, именно активное взаимодействие, поскольку лексика, выражающая модальность необходимости (как и модальность возможности, желания), преимущественно исконно славянская, и наличие у тех немногих лексем контактного происхождения общего источ-

ника является показательным. При этом интересен тот факт, что серб. *vrédeti* — это заимствование производящей лексемы (**vréd-*) и развитие в семантике дериватов модального значения по уже известной модели в славянских языках. В случае с чешскими глаголами перед нами результат семантического калькирования, перекодирования когнитивной схемы, вероятно, в условиях двуязычия.

Список литературы

1. Анджелкович М. С. Речник руско-српски. Београд, 1903.
2. Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1991.
3. Гапонова Ю. В. Средства выражения значений возможности и необходимости в текстах печатной рекламы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2007.
4. Дронова Л. П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск, 2006.
5. Колобкова Л. В. Средства выражения модального значения волеизъявления в русском языке XVII — нач. XVIII в. Тверь, 1995.
6. Кочеткова О. Л. Средства выражения модальных значений возможности и необходимости в русском языке второй половины XVII — нач. XVIII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
7. Кукса И. Ю. Средства выражения побудительной модальности в древнерусском языке XI—XIV веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1997.
8. Немецко-русский словарь / под ред. А. А. Лепинга, Н. П. Страховой. М., 1965.
9. Сербско-хорватско-русский словарь / сост. И. И. Толстой. М., 1957.
10. Словарь русского языка XI—XVII вв. / сост. Н. Б. Бахилина [и др.]. М., 1977. Вып. 4 ; М., 1986. Вып. 11.
11. Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.
12. Суворова Н. А. Фразеологизмы как экспликатеры модального значения возможности в русском языке второй половины XVII — нач. XVIII в. (на материале памятников деловой письменности) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2001.
13. Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М., 1967. С. 3—81.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1964—1973.
15. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1994.
16. Lyberis A. Lietuvių — rusų kalbų žodynas. Vilnius, 1962.
17. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
18. Althochdeutsches Wörterbuch / Schützeichel R. Tübingen: Niemeyer, 1989.
19. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971—1974.